

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СИБИРИ THE CULTURAL HERITAGE OF SIBERIA

Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 172—181.
Siberia Humanitarian. 2023;(4): 172—181.

Культурное наследие Сибири

Научная статья
УДК 37-058.237:930.25
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-172-181

Из истории исследования советской интеллигенции в Сибири (конец 1960-х — 1990-е гг.)

Михаил Геннадьевич Давыденко

Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация,
Davydenko.2018@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются два мемориальных проекта, в рамках которых в Новосибирске было организовано написание воспоминаний рядовыми советскими гражданами в 1960-х — начале 1990-х гг. Первый проект осуществлял коллектив сектора культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР, который собирал воспоминания представителей советской интеллигенции. В рамках второго проекта Клуб ветеранов педагогического труда Новосибирска организовал сбор воспоминаний учителей города. В центре внимания исследования лежат новые методологические принципы историков и краеведов, актуализировавшие ценность профессиональной биографии советского труженика.

Ключевые слова: советская интеллигенция, «ретроспективный поворот», «тихая архивная революция», сектор истории культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР, Клуб ветеранов педагогического труда Новосибирска

Для цитирования: Давыденко М. Г. Из истории исследования советской интеллигенции в Сибири (конец 1960-х — 1990-е гг.) // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 172—181. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-172-181.

The cultural heritage of Siberia

Original article

From the history of the study of the Soviet intellectuals in Siberia (end of the 1960s—1990s)

Mikhail G. Davydenko

State Archive of the Novosibirsk region, Novosibirsk, Russian Federation, Davydenko.2018@bk.ru

Abstract. The article analyzes two memorial projects that organized the writing of memoirs by ordinary Soviet citizens in Novosibirsk in the 1960s and early 1990s. The first project was carried out by the staff of the Cultural Construction Sector of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, which collected memoirs of Soviet intellectuals. As part of the second project, the Club of Veterans of Pedagogical Labor of Novosibirsk organized a collection of memoirs of the city's teachers. The study focuses on the new methodological principles of historians and local historians, which actualized the value of the professional biography of the Soviet worker.

Keywords: Soviet intellectuals, “retrospective turn”, “quiet archival revolution”, sector of the history of cultural construction of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Novosibirsk Veterans of Pedagogical Labor Club

For citation: Davydenko M.G. From the history of the study of the Soviet intellectuals in Siberia (end of the 1960s—1990s). *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):172—181. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-172-181.

С конца 1960-х до начала 1990-х гг. в Новосибирске действовали два мемориальных проекта, ориентированных на сбор воспоминаний советских граждан. Коллектив сектора истории культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством В. Л. Соскина собирал воспоминания представителей советской интеллигенции Сибири, активисты исторической секции Клуба ветеранов педагогического труда распространяли биографическую анкету, записывали воспоминания и разыскивали документы для создания «летописи новосибирской школы» и педагогического музея в городе.

Группа В. Л. Соскина была ориентирована на решение академических проблем. В фокусе исследователей находилась история советской интеллигенции Сибири. Историки опирались на методы (актуального в то время) источниковедения, для которого воспоминания являются «источниками личного происхождения», в которых происходит «освещение событий сквозь призму памяти и сознания автора» [1, с. 7]. Деятельность Клуба ветеранов педагогического труда можно назвать учительским краеведением и рассматривать в контексте позднесоветского «ретроспективного поворота», когда советская идентичность формировалась на основе героического прошлого своего города, края, малой родины. Как отмечает В. Донован, «приобретая знания о своем крае и любовь к нему, советские граждане должны были более активно включаться в строительство социализма, воспринимая самих себя в качестве неотъемлемой части героического прошлого, настоящего и утопического будущего нации» [2, с. 380].

Подчеркнутая биографичность проектов, когда большая история Советского Союза конструируется на основании личных свидетельств рядовых граждан, отсылает нас к концепции «тихой архивной революции», сформулированной в работах А. Клотц и М. Ромашовой [3, с. 169]. Исследователи обратили внимание на «сдвиг в понимании того, чьи документы должны храниться в архивах», изучая личный фонд Валентины Соколовой — рядовой советской активистки 1920—1930-х гг., принятый на хранение в Государственный архив Пермского края (ГАПО) в 1960—1980 гг.

Чтобы понять, как появление «личных фондов советских граждан, не отмеченных выдающимися достижениями» связано с позднесоветской мемориальной культурой и проблемами источниковедения, историки изучили дискуссии архивистов 1950—1960-х гг. о роли источников личного происхождения, во время которых обсуждался вопрос: чьи именно свидетельства и личные материалы в целом должен собирать и хранить государственный архив и как определять ценность таких материалов? [3, с. 170, 176]. В результате победила точка зрения, согласно которой ценность источников определялась общественной значимостью фондообразователя. Такой подход,

закрепленный в методических рекомендациях Главного архивного управления при Совете Министров СССР, предполагал, что архивы будут брать на хранение документы выдающихся граждан, имеющих официальные заслуги. Но был сформулирован и другой подход, в соответствии с которым считалось важным сохранение массовых источников советских граждан «независимо от заслуг автора», привлечение граждан к сохранению памяти о своем прошлом. «Несмотря на то, что архивам рекомендовалось брать на хранение документы „выдающихся“ граждан, „рядовые“ архивисты, опережая методистов, уже собирали материалы „рядового“ человека, который был не только очевидцем, но и действующим лицом, полноправным участником производства исторического знания о „советском“» [4, с. 182].

В центре внимания А. Клоц и М. Ромашовой кейс Валентины Григорьевны Соколовой — «рядовой комсомолки Ленинского призыва», общественницы и краеведа-любителя, которая много лет собирала сведения о лично знакомых ей руководителях и организаторах комсомольского движения. В процессе этой работы и общения с профессиональными архивистами Валентина Григорьевна пересматривает ценность своих воспоминаний. Она подчеркивает свой статус рядовой участницы исторических событий, но при этом предлагает архиву материалы о себе: «Вы меня нашли как адресата Васи [Ракитина]¹. Возможно, Вас заинтересуют сведения о том, кто я и как жизнь прожила». Валентина Александровна превращается в «самостоятельного исторического актора», осознает себя субъектом истории, чьи тексты и документы имеют право на хранение в государственном архиве [3, с. 184—185].

Мы считаем, что группу сибирских историков под руководством В. Л. Соскина в 1970—1980-х гг. можно рассматривать как проводников «тихой архивной революции». Обращаясь к широкому кругу лиц с просьбой написать свои воспоминания, исследователи актуализируют ценность свидетельства рядового советского человека, проделавшего большой профессиональный путь, участвовавшего в строительстве советской системы образования.

В конце 1960-х гг., решая плановые задачи, поставленные перед сектором истории культурного строительства Института истории филологии и философии, группа сибирских ученых занялась историей советской интеллигенции. Руководитель группы — Варлен Львович Соскин вспоминал: «Все мы, сотрудники института, были, если можно так выразиться, государственными людьми. <...> Деятельность СО АН осуществлялась в рамках государственных планов. Ими определялись пределы научной самостоятельности ученых». При этом в Сибири «социальной истории советской культуры как особого направления не существовало», новый объект исследования требовал работы со специфическими источниками: «Здесь многое значила индивидуальность, которую характеризовать на основе массовых источников можно было лишь частично. Поэтому одним из первых начинаний стало собирание мемуаров... [Это был для нас] новый вид деятельности, где пришлось идти непроторенным путем» [5, с. 73, 90].

Изучив архивные фонды в Алтайском и Красноярском краевых, Новосибирском, Томском, Кемеровском, Иркутском областных архивах, исследователи обнаружили, что «комплектование госархивов документальными материалами личного происхождения осуществляется недостаточно настойчиво и систематически, а личных фондов советских людей, не проявивших себя выдающимся участием в общественной жизни, вообще нет. Между тем для создания истории интеллигенции в целом и отдельных ее групп ценность документов, в том числе воспоминаний рядовых людей, исключительно велика» [6, с. 341]. Поэтому историки решают иницииро-

¹ Один из организаторов комсомола в Пермском округе, умер в 1927 г.

вать написание воспоминаний представителями советской интеллигенции Сибири специально для исследовательского проекта, чтобы создать источниковую базу.

Историки обратились к представителям интеллигенции — всем, кто учился или работал в качестве специалистов в период с 1917 по 1941 г., с просьбой написать воспоминания для проекта. Небольшой коллектив исследователей вынужден был сосредоточиться на указанных хронологических рамках, чтобы собрать свидетельства самых взрослых информаторов. Во всех областных и краевых газетах Сибири было опубликовано обращение к представителям интеллигенции с предложением написать воспоминания. В. Л. Соскин выступал по радио и на телевидении, сотрудники исследовательской группы отправлялись в командировки по городам Сибири. Выявляя нужных людей, историки обращаются в советы ветеранов, которые были организованы при институтах усовершенствования учителей и врачей, в краеведческие и художественные музеи, творческие союзы и вузы [6, с. 392—343].

В качестве методического руководства использовали публикации Анкетно-биографической комиссии, созданной при Институте истории Комкадемии в 1929 г. Для того чтобы помочь авторам воспоминаний, направить их мемориальное творчество в необходимое историкам русло, была разработана анкета, которую начали распространять с осени 1969 г. [7, л. 15—19].

Основные методологические установки, на которые предлагалось ориентироваться авторам воспоминаний — актуальность памяти, личное восприятие описываемых событий — сформулированы во вводной части анкеты-опросника:

<...>

Мы понимаем, что написание мемуаров — это порой нелегкий труд. Может быть, Вам помогут личные документальные материалы, сохранившиеся у Вас, — будь то письма, дневниковые записи, фотографии. Возможно, некоторые из этих материалов Вы можете предоставить в наше распоряжение, временно или навсегда, смотря по Вашему желанию. Для облегчения работы мы предлагаем Вам ориентировочный вопросник. Но этот вопросник не должен Вас связывать. Форма воспоминаний — свободная, объем также не ограничен. Можно подробно останавливаться на отдельных событиях и бегло упомянуть об остальных, можно — последовательно, шаг за шагом излагать свою биографию. Текст может быть написан от руки или на машинке — в зависимости от Ваших возможностей. Укажите обязательно Ваше имя, отчество, фамилию, год рождения, дату начала трудовой деятельности, дату окончания высшего или среднего специального учебного заведения, последнее место работы и должность, дату окончания трудовой деятельности, если Вы сейчас на пенсии. Разумеется также и свой домашний адрес.

Сейчас уже получено известное количество воспоминаний, что позволяет отметить один существенный недостаток многих из них. В целом, благодаря воспоминаниям, мы получили много новых и интересных сведений. Как правило, авторы подробно перечисляют и описывают факты своей биографии, называют даты, имена и т. д. Это все, разумеется, важно и нужно. Но, к сожалению, очень слабо во многих случаях выражено отношение автора (в то время) к тем или иным событиям и их восприятие, не показаны настроения и взгляды автора. Иначе говоря, дается фактическая канва событий, то есть то, что более или менее отражено в архивах или газетах, зато отсутствует то, чего в архивах нет — личные оценки событий и людей, мнения о них эволюция этих оценок и др. Между тем мы рассчитываем именно на воспоминания в изучении такого важнейшего аспекта в истории интеллигенции, как психология и мировоззрение ее отдельных представителей, профессиональных групп и интеллигенции в целом. Надеемся, что это замечание поможет Вам уточнить свою задачу, поможет в написании воспоминаний.

<...>

Во второй части анкеты были представлены подробные вопросы о семье и школе, учебе на рабфаке и в вузе, трудовой деятельности.

На 1 октября 1973 г. 800 человек получили анкеты и около 500 анкет было выслано организациям. Всего группой было собрано около двухсот текстов. В 1979 г. сотрудницей группы Л. И. Пыстиной была составлена черновая опись, в которой значилось 202 единицы хранения. Все воспоминания делятся на написанные по просьбе сотрудников группы (их большинство) и написанные по инициативе авторов. Среди текстов преобладали автобиографии. Учеными были отобраны некоторые воспоминания и опубликованы в сборнике «Школа и учительство Сибири (20-е — начало 30-х гг.)» (1978).

Тексты воспоминаний публиковались не полностью. Давалась выдержка небольшого объема — наиболее интересная с точки зрения организаторов проекта. Интерес был сосредоточен не на тексте как предмете исследования, а на выборочных фактах, которые ярко и живо представлены в воспоминаниях. Сборник состоял из двух частей. Первая часть включала отрывки из воспоминаний, вторая — научные статьи по истории советской школы 1920-х гг., написанные профессиональными историками. Таким образом, воспоминания в сборнике дополняют и «оживляют» тексты историков.

По мнению исследователей, субъективность, «освещение событий сквозь призму памяти и сознания автора» — основные признаки источников личного происхождения, но при тщательном источниковедческом анализе воспоминания могут быть полноправным историческим источником, способным дать психологический фон, связь фактам, извлеченным из официальных источников [1, с. 7]. При этом память не противопоставляется научному описанию, наоборот, «„сито” памяти, пропуская прошлое, как бы отсеивает важное от второстепенного, оставляя нам то, что является главным, определяющим, ценным для истории. Воспоминания, таким образом, своеобразно дополняют материалы архивов и периодической печати, позволяя читателю сделать более глубокие обобщения» [1, с. 8].

Позже группой под руководством В. Л. Соскина были опубликованы похожие сборники воспоминаний: «Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917—1941 гг.)» (1980); «Художественная культура и интеллигенция Сибири (1974—1975 гг.)» (1984). На сборник «Школа и учительство Сибири» (20-е — начало 30-х гг.) часто ссылаются специалисты [8—11], но собранный группой В. Л. Соскина корпус текстов почти не использовался вне упомянутой публикации. Мы знаем о двух случаях обращения к собранным воспоминаниям. В. А. Зверевым, К. Е. Зверевой были опубликованы отрывки из автобиографии учителя Ф. Д. Останина [12]. воспоминания новосибирского учителя Н. Н. Лазарева, написанные для проекта сибирских историков, использовались как источник в работе Л. М. Горюшкина, Г. А. Бочановой, Л. Н. Цыпляева [13].

Клуб ветеранов педагогического труда, появившийся в то же время в Новосибирске, сотрудничал с группой В. Л. Соскина. Несколько активистов (Н. Н. Лазарев, Е. Н. Тесленко) и просто членов ветеранской организации (Н. А. Тарасова-Осиповская, К. А. Нечаев, А. Е. Рожков, А. В. Веденяпин) написали воспоминания для историков. В фонде клуба сохранился текст Нины Петровны Осадчей — директора Дома учителя Новосибирска (в некоторых документах именуется Домом работников просвещения), в котором говорится о начале ветеранского движения. Нина Петровна вспоминает, что мысль организовать ветеранов-учителей появилась после празднования 100-летия со дня рождения Ленина. Была запланирована символическая встреча молодых педагогов Новосибирска с работниками образования — кавалерами ордена Ленина. Нам важно подчеркнуть генетическую связь новой ветеранской организации с ритуалами позднесоветской эпохи, которые должны были формировать нового человека. В процессе организа-

ции выяснилось, что в городе нет списков педагогов-орденоносцев: «Поиски кавалеров ордена Ленина оказались нелегкими. Пофамильных списков орденосцев не было ни в гороно, ни в краеведческом музее» [14, л. 1]. Нина Петровна сообщала позже, что личные знакомые организаторов мероприятия помогли получить информацию о кавалерах ордена Ленина, учителях, награжденных орденом Красной Звезды. Ситуация организации торжественных мероприятий неожиданно открыла для чиновников гороно и представителей профсоюза работников просвещения большой потенциал ветерана — свидетеля героической истории, участника событий, ставших объектом коммеморации, они решают упорядочить опыт сотрудничества с ветеранами, организовать пожилых педагогов для участия в «коммунистическом строительстве» города. Создавалась организация, которая, с одной стороны, использовала активность ветеранов, их личное желание принимать участие в жизни города, с другой стороны, она числилась на балансе профсоюза работников просвещения, имела помещение в Институте усовершенствования учителей, действовала совместно с чиновниками гороно.

Устав клуба ветеранов был утвержден на общем собрании 18 марта 1974 г. В числе главных задач были указаны: «вовлечение ветеранов в общеполитическую и культурную жизнь города... посильное участие в коммунистическом строительстве», организация учета всех ветеранов города. В уставе закреплена мемориальная деятельность организации. Предполагалось «создать школьную летопись, т. е. историю школ города Новосибирска» (п. 6), «создать исторический музей педагогического труда, где сосредоточить фотографии и биографии учителей города Новосибирска, оставивших о себе добрую память и заметный след в деле народного просвещения» (п. 7), «отмечать исторические даты и всенародные праздники» (п. 8) [14, л. 3]. Были организованы культмассовая, учебно-воспитательная, оздоровительно-бытовая, историческая секции.

Вся разносторонняя деятельность организации была ориентирована на ветеранскую биографию, в частности на учет и фиксацию информации о педагогах-ветеранах города. На протяжении всего существования клуба были собраны сотни автобиографических анкет, составлены многочисленные списки педагогов-ветеранов, учителей-орденоносцев [15 ; 16 ; 17, л. 85 ; 18].

Собирали также разные материалы по истории советской школы: учебники, статьи, документы, но основная часть материалов связана с конкретными учительскими биографиями. История новосибирской школы транслировалась через сумму учительских биографий.

Самым важным источником информации стала биографическая анкета. Собраны сотни учетных карточек в виде записей на тетрадных листах, картонных карточках, листки с напечатанными на печатной машинке вопросами и ответами, а также с записями, сделанными от руки [14 ; 15, л. 1—10 ; 19 ; 20, л. 39]. Стандартный список вопросов практически не менялся. Нам попадались несколько анкет немного отличавшихся от других, но основной массив карточек содержит одинаковый набор вопросов. Отвечавшие на вопросы самостоятельно заполняли карточки, иногда записи вели волонтеры клуба, проводившие опрос. В этом случае обычно фиксировалось, кто ведет запись ответов, а также дата составления анкеты. Карточки за 1973—1975 гг. часто подписаны Н. Н. Лазаревым, те, что составлены в конце 1970-х — начале 1980-х гг. — Беляковым или Араниной.

Закрепленный в анкете список вопросов делал биографию заслуженного человека формальной, массовой и повторяющейся. Сведения из анкеты могли использоваться для вовлечения ветеранов в образовательную деятельность клуба или организации бытовой, врачебной, финансовой и любой другой помощи от профсоюза и чиновников. В анкете бытовые вопросы о размере пенсии, жилищных условиях соседствуют с вопросами о про-

шлом ветерана. Это соседство важно зафиксировать, потому что в нем проявляется прагматика ветеранского движения: прошлое ветерана, измеряющееся стажем, участием в Великой Отечественной войне, государственными наградами, партийностью, дает право на особое внимание к нему. Люди получают право на особенное внимание со стороны государства и общества, становятся экспертами в области воспитания, истории, идеологии на основании ветеранской биографии. Мы считаем, что на примере деятельности Клуба ветеранов педагогического труда можно зафиксировать процесс возникновения института «советской старости».

Помимо автобиографических сведений собирали документы и свидетельства о героическом прошлом новосибирских педагогов. Районным отделам народного образования Новосибирска рассылались запросы об учителях — участниках Великой Отечественной войны [17, л. 99]. Также рассылались запросы директорам новосибирских школ с просьбой выслать материалы по истории школы для создания Летописи развития народного образования в городе Новосибирске [17, л. 100].

Активисты клуба ветеранов и сами вели исследовательскую деятельность: собирали анкеты, документы и публикации, записывали воспоминания, вели переписку с педагогами. В фонде клуба ветеранов в ГАНО сохранились рабочие записи Валентины Ивановны Кудиновой, в том числе план беседы с Адрианом Васильевичем Веденяпиным, написавшим несколько текстов специально для клуба ветеранов [21, л. 25—26].

Евгения Дмитриевна Конониченко переписывалась с Борисом Федоровичем Райским, а после его смерти 27 января 1985 г. — с его родственниками [22]. Выполняя просьбу Евгении Дмитриевны, Борис Федорович написал воспоминания о работе в Каргате и Барабинске в 1922—1928 гг. [22, л. 11]. В фонде клуба ветеранов сохранилось письмо Надежды Алексеевны Осиповской от 11 апреля 1975 г., в котором она, обращаясь к Полине Александровне Варфоломеевой, отвечает на поставленные ранее перед ней вопросы об истории строительства 7-й школы в Новосибирске.

Из собранных материалов было оформлено 13 стендов, ветераны рассчитывали, что будет создан музей по истории образования, но в 1979 г. оформление материалов было приостановлено по предложению нового руководителя Дома учителя (Дом просвещения).

Материалы, собранные клубом ветеранов, были переданы Валентиной Ивановной Кудиновой в Государственный архив Новосибирской области в 1992 г. Интересно, что она отказалась передать материалы в Музей истории развития образования (МИРОНО), созданный также в 1992 г. Валентина Александровна Орлова, первый руководитель музея, сотрудничала с некоторыми членами клуба ветеранов (Е. Д. Конониченко, Д. Г. Безменовой и др.), через которых кое-что из собранного клубом ветеранов попало в МИРОНО. В брошюре «Музей истории развития образования» (2013) В. А. Орлова, раскрывая предысторию создания музея, пишет о деятельности педагогов-ветеранов с 1962 г.¹ При этом, называя некоторых активистов Клуба ветеранов педагогического труда, сыгравших важную роль в развитии учительского краеведения в Новосибирске, Орлова не упоминает о самой ветеранской организации как о субъекте краеведческого поиска.

Мы считаем, что новосибирские учителя, писавшие воспоминания для Клуба ветеранов педагогического труда и проекта В. Л. Соскина, оказались в ситуации, охарактеризованной историками А. Клотц и М. Ромашовой как «тихая архивная революция». Рядовые советские граждане превращаются в субъектов истории. И методисты клуба ветеранов, и профессиональные

¹ В. А. Орлова никак не подтверждает эту дату, но в фонде Клуба ветеранов педагогического труда в ГАНО есть товарищеское письмо от имени совета клуба чиновникам Ленинского района, в котором просят помочь организовать учет педагогов-ветеранов и провести собрание пенсионеров района. В этом письме упоминается объединенное собрание учителей-пенсионеров, проходившее 1 декабря 1962 г. в Кировском доме пионеров.

историки из Института истории актуализируют ценность свидетельства рядового советского человека, проделавшего большой профессиональный путь, участвовавшего в строительстве советской системы образования. Участники группы В. Л. Соскина ориентируют на описание профессиональной биографии. Авторы призывают «выражать свое отношение... показывать настроение и взгляды». Используются такие теоретические конструкции, как «советская интеллигенция» и «культурная революция». Воспоминания должны «оживить» и прояснить процесс возникновения и развития советской интеллигенции в Сибири [7, л. 16]. Участникам проекта дается прямое приглашение «попасть в историю», подчеркнуто, что «историю» интересует личность автора.

Воспоминания, написанные для клуба ветеранов, должны были стать основой коллекции городского музея. Они больше ориентировали авторов на локальную историю, конструирование идентичности локальной группы — педагогов Новосибирска и области. Но и здесь, как в проекте В. Л. Соскина, личное свидетельство становится основой для исторической реконструкции. История новосибирской школы строится как сумма автобиографических свидетельств, историй об учителях, написанных коллегами и родственниками.

Исторические проекты через анкеты, практики интервью, опроса, фиксации воспоминаний формируют границы проявления субъектности. Участники понимают, что они ценны для истории, потому что имеют большой стаж, награждены орденами и участвовали в создании советской школы в Новосибирске. Авторы по-разному вовлечены в проект. Кто-то просто ответил на вопросы анкеты, кто-то сопроводил анкету формальной автобиографией, а кто-то вел длинную переписку с методистами клуба и пишет воспоминания, отвечая на поставленные вопросы о конкретном событии в школьной истории города и области. Есть тексты, написанные для публикации в газетах, извлеченные из личных фондов государственных архивов, но включенные в коллекцию методистами ветеранской организации, как соответствовавшие замыслу и подходящие для задач клуба. Рядовой советский гражданин превращается в субъекта истории по правилам, сформулированным в проектах.

Список источников

1. Осташко Т. Н., Соскин В. Л. Первые шаги просвещения в Сибири глазами его организаторов // Школа и учительство в Сибири: 20-е — начало 30-х гг. : [сб. статей] / АН СССР, Сиб. отд-ние ; Ин-т истории, филологии и философии ; [отв. ред. В. Л. Соскин]. Новосибирск : Наука ; Сиб. отд-ние, 1978. С. 4—17.
2. Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе, 1956—1981 // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 379—402.
3. Клоц А., Ромашова М. «Так вы живая история?»: советский человек на фоне тихой архивной революции позднего социализма // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 169—199.
4. Методические рекомендации по комплектованию Государственного архивного фонда СССР документальными материалами личных архивов / Гл. архивное упр. при Совете Министров СССР. М., 1969. 23 с.
5. Соскин В. Л. Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории: очерк истории и историографии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2008. 188 с.
6. Соскин В. Л., Осташко Т. Н. Из опыта собирания воспоминаний представителей советской интеллигенции Сибири // Археографический ежегодник за 1973 год. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1974. С. 341—344.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 2.
8. Кокоулин В. Г. Очерки истории образования и науки в Сибири в 1920-е — начале 1930-х годов. Новосибирск : Офсет-ТМ, 2019. 104 с.

9. Бельх И. Н. Генезис общественно-полезного труда в советской школе Приенисейской Сибири в 1920-е годы: от самообслуживания к социалистическому строительству // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7. Вып. 9. С. 916—921.
10. Фролова Н. В. Государственная политика в области историко-обществоведческого образования в школах севера Западной Сибири в 1920—1930-е годы : дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2016. 234 с.
11. Пономарев С. А. Развитие педагогического образования в Западной Сибири в 1930—1940 гг. : дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 248 с.
12. Зверев В. А., Зверева К. Е. Детство и школа в социокультурном пространстве сибирского села начала XX в. (воспоминания Ф. Д. Останина) // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII—XX вв. : темат. сб. науч. тр. Новосибирск : Изд-во Новосиб. техн. ун-та, 2008. Вып. 3. С. 113—131.
13. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом: конец XIX — начало XX в. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука ; Сиб. отд-ние, 1978. 296 с.
14. ГАНО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 1.
15. ГАНО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 10.
16. ГАНО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 11.
17. ГАНО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 189.
18. ГАНО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 194.
19. ГАНО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 193.
20. ГАНО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 45.
21. ГАНО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 190.
22. ГАНО. Ф. Р-2154. Оп. 1. Д. 28.

References

1. Ostashko T.N., Soskin V.L. Pervye shagi prosveshhenija v Sibiri glazami ego organizatorov [The first steps of enlightenment in Siberia through the eyes of its organizers], *Shkola i uchitel'stvo v Sibiri: 20-e – nachalo 30-h gg.* [School and teaching in Siberia: the 20th – early 30s], sb. statej. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 1978, pp. 4–17.
2. Donovan V. «Idja nazad, shagaem vpered»: kraevedcheskie muzei i sozdanie mestnoj pamjati v Severo-Zapadnom regione, 1956–1981 ["Going backwards, stepping forward": Local history museums and the creation of local memory in the North-West region, 1956–1981], *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum], 2012, no. 16, pp. 379–402.
3. Kloc A., Romashova M. «Tak vy zhivaja istorija?»: sovetskij chelovek na fone tihoj arhivnoj revoljucii pozdnego socializma ["So you're a living story?": The Soviet man against the background of the quiet archival revolution of late socialism], *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum], 2021, no. 50, pp. 169–199.
4. Gl. arhivnoe upr. pri Sovete Ministrov SSSR. Metodicheskie rekomendacii po komplektovaniju Gosudarstvennogo arhivnogo fonda SSSR dokumental'nymi materialami lichnyh arhivov [Methodological recommendations for completing the State Archival Fund of the USSR with documentary materials of personal archives]. Moscow, 1969, 23 p.
5. Soskin V.L. Novosibirskij nauchnyj centr: issledovanie po novejshej otechestvennoj istorii: ocherk istorii i istoriografii [Novosibirsk Scientific Center: research on modern Russian history: an essay on history and historiography]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t, 2008, 188 p.
6. Soskin V.L., Ostashko T.N. Iz opyta sobiraniya vospominanij predstavitelej sovet-skoj intelligencii Sibiri [From the experience of collecting memoirs of representatives of the Soviet intelligentsia of Siberia], *Arheograficheskij ezhegodnik za 1973 god* [Archaeographical Yearbook 1973]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1974, pp. 341–344.
7. Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (GANO)], coll. R-2154, aids 1, fol. 2.
8. Kokoulin V.G. Oчерки istorii obrazovanija i nauki v Sibiri v 1920-e – nachale 1930-h godov [Essays on the history of education and science in Siberia in the 1920s – early 1930s.]. Novosibirsk, Ofset-TM, 2019, 104 p.
9. Belyh I.N. Genezis obshhestvenno-poleznogo truda v sovetskoj shkole Prienisejskoj Sibiri v 1920-e gody: ot samoobsluzhivaniya k socialisticheskomu stroitel'stvu [Genesis of socially useful labor in the Soviet school of Prienisei Siberia in the 1920s: from self-service to socialist construction], *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Issues of theory and practice], 2022, vol. 7, issue 9, pp. 916–921.
10. Frolova N.V. Gosudarstvennaja politika v oblasti istoriko-obshhestvovedcheskogo obrazovanija v shkolah severa Zapadnoj Sibiri v 1920–1930-e gody [State policy in the field of historical and so-

- cial science education in schools of the north of Western Siberia in the 1920s–1930s] : dis. ... kand. ist. nauk. Surgut, 2016, 234 p.
11. Ponomarev S.A. Razvitie pedagogicheskogo obrazovaniya v Zapadnoj Sibiri v 1930–1940 gg. [Development of pedagogical education in Western Siberia in 1930–1940] : dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 2018, 248 p.
 12. Zverev V.A., Zvereva K.E. Detstvo i shkola v sociokul'turnom prostranstve sibirskogo sela nachala XX v. (vospominaniya F. D. Ostanina) [Childhood and school in the socio-cultural space of the Siberian village of the early 20th century (memoirs of F. D. Ostanin)], *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri XVIII–XX vv.* [Actual questions of the history of Siberia XVIII–XX centuries] : temat. sb. nauch. tr. Novosibirsk, Izd-vo Novosib. tehn. un-ta, 2008, issue 3, pp. 113–131.
 13. Gorjushkin L.M., Bochanova G.A., Ceplyaev L.N. Novosibirsk v istoricheskom proshlom: konec XIX – nachalo XX v. [Novosibirsk in the historical past: late XIX – early XX century] / AN SSSR, Sib. otd-nie, In-t istorii, filologii i filosofii. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 1978, 296 p.
 14. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 1.
 15. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 10.
 16. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 11.
 17. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 189.
 18. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 194.
 19. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 193.
 20. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 45.
 21. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 190.
 22. GANO [GANO], coll. R-2154, aids 1, fol. 28.

Информация об авторе

Давыденко Михаил Геннадьевич — архивист отдела комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства Новосибирской области, Государственный архив Новосибирской области, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: Davydenko.2018@bk.ru

Information about the author

Mikhail G. Davydenko — archivist of the department of acquisition, departmental archives and record keeping of the Novosibirsk Region, State Archive of the Novosibirsk Region, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: Davydenko.2018@bk.ru

Статья поступила в редакцию 12.07.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 12.07.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.